

1.

Аркадий вышел из машины и с наслаждением вдохнул неповторимый аромат степного воздуха, искренне считая, что такой бывает только в хакасской степи. Ветер донёс запах полыни...

Он пошёл к камням, стоящим в отдалении от дороги. Ему всегда было интересно: камни в степи — это могилы древних воинов или что-то ещё? В любом случае это память о далёком прошлом. Как ни странно, но, постояв у этих камней, он всегда получает вдохновение для творчества.

Возвращаясь к машине, он заметил почти скрытый травой памятник. Это память уже о совсем недалёком прошлом. Сколько их вдоль дорог стоит как напоминание о том, что вся наша жизнь — дорога. Вот только когда она закончится и куда приведёт, это знает один Бог. Дорога — хранитель, страж, судья и палач. Но она тоже заставляет переоценивать все жизненные ценности. Аркадий вспомнил, как чудом остался жив тогда, больше четверти века назад, за тысячи километров отсюда. Наверное, и ему стоял бы такой же памятник, с выцветшими цветами, серыми от пыли...

Память перенесла его в тот далёкий октябрь. Даже на жаре ему вдруг стало зябко...

Очнувшись, он понял, что промёрз до косточки. Он не мог пошевелиться, всё тело занемело. Он с ужасом понял, что сердце отсчитывает последние удары. В это время по дороге прошёл гружёный лесовоз. От вибрации Аркадий покатился по склону. Наверное, это и спасло ему жизнь. Он с трудом поднялся на ноги, сился вспомнить, что произошло. Он помнил, что ехал домой из соседнего посёлка, помнил, что сзади шёл ЗИЛ... А теперь он стоит недалеко от дороги, правая рука висит

как плеть, мотоцикл стоит в стороне, зажигание выключено, на коляске вмятина, ветровых стёкол нет...

Аркадий не чувствовал боли в руке. Зато безлунной октябрьской ночью видел всё, до хвоинки, отчётливо, как днём. И звёзды сквозь небольшую дымку облаков светят невероятно ярко. Да ещё свет от проходящей по дороге машины нестерпимо яркий.

Мотоцикл завёлся легко. Дальше начались проблемы: правая рука не работала, руль пришлось держать левой. И не просто держать, а с правой стороны. «Хорошо, что „Юпитер-5“ снабжён автоматом сцепления», — подумал Аркадий. Но, вырулив на дорогу, понял, что дальше ехать не сможет, в глазах потемнело от боли, вот теперь он её стал чувствовать, да ещё сказалась потеря крови. Он пытался остановить проходившие машины, но без толку. По дороге медленно полз «жигулёнок», Аркадий узнал машину дальнего родственника. Но родственник, отвернувшись, проехал мимо. То же произошло и с хорошим знакомым. Вдруг навалилась мысль: «Может, я погиб и меня не видят?..»

К нему подъехал мотоцикл «Урал».

— Слышь, мужик, что случилось? — спросил один из подъехавших.

— Не помню, — ответил Аркадий.

— У тебя вся рука в крови.

— Я ехал к себе, очнулся на обочине.

— Мы тебя домой отвезём.

— Я покажу, это рядом, три километра.

— Да знаем мы, где живёшь.

Один из парней сел за руль его мотоцикла. Аркадий всю дорогу держал повреждённую руку и мысленно благодарил, что парень едет тихо.

Аркадий знал этих парней, многие называли их «никчёмными людишками» за то, что они частенько выпивали. Но тогда дорога переоценила для него это понятие. Те, кто считал себя людьми, да ещё с претензией на благородство, после того как ударили грузовиком по мотоциклу — пусть не нарочно, но ударили, — откатали мотоцикл от дороги, а его оттащили и бросили на землю. Бросили умирать от холода и потери крови. Нет, не приняли за мёртвого, а, боясь ответственности, спрятали с глаз, живого, но без сознания. Другие, не желая разговаривать со следователем, проехали мимо. И только те, кого считали «никчёмными», проявили благородства больше, чем те, кто бросил и кто мимо проехал, вместе взятые. Часто так бывает, что человечности больше в тех, кого другие меньше

всего считают людьми. С тех пор он судит о людях по реальным поступкам, а не по чьему-либо мнению.

Когда его привезли домой и сказали родственникам, что подобрали Аркадия на дороге, им вынесли бутылку спирта из запасов «на всякий случай».

Парни стали отказываться:

— Да мы же от души, со всяким может случиться.

— Берите,— сказал Аркадий,— это тоже от души, этого вам на троих хватит, только за руль не садитесь, я трезвый ехал и то влип...

Следователю он сказал, что не знает тех, кто привёз его домой, чтоб не беспокоили парней.

Тот случай разбудил в нём ненависть к тем, кто сбил его и бросил, к тем, кто проехал мимо. Ненависть к следователю, который не хотел доводить до конца поиск сбившего его водителя только потому, что Аркадий ехал трезвый. Тогда следователь пытался надавить, несмотря на характерные вмятины на коляске мотоцикла, настаивая на том, что Аркадий сам не справился с управлением...

Эта ненависть разъедала ему душу, как ржавчина. Вспомнился случай из школьных лет.

— Зверёныш, твой папа не русский,— кричали мальчишки, избивая одного.

У Аркадия всё перевернулось внутри. Как так — толпой на одного? Он смело подошёл и начал защищать незнакомого мальчика. Схватка была неравной, но ватага мальчишек пустилась наутёк от его натиска. Бил он без разбора, куда придётся. Костяшки пальцев разбил в кровь. Мать того самого мальчика, за которого он вступился, бинтуя ему руки, спросила, почему он заступился за её сына. Аркадий ответил:

— Совсем озверели — толпой на одного.

В это время в комнату вошёл дед; Аркадию показалось, что ему не меньше ста лет.

— Они моего правнука «зверёнышем» кличут, потому что папка у него уроженец другой республики. А по мне, так главное — совет да любовь, остальное — предрассудки,— сказал дед и добавил: — Гляжу, парень, ты сам обозлился не на шутку, когда в драку полез.

— Не люблю, когда толпой на одного; хочешь помериться силой — выходи один на один, на равных,— ответил Аркадий.

— Знаешь, парень, такие, как ты, справедливые и бесстрашные, могут многое и никого не бояться. Но не знаете вы, кто страшнее всего на свете.

— Кто? — не удержался от вопроса Аркадий.

— Зверь, — в глазах деда блеснул какой-то странный огонёк.

— Медведь или волк?

— Человек.

— ?!!

— Да, зверь, который сидит внутри человека, и у него много имён. Думаешь, эта ватага сорванцов сама догадалась до такого? Нет, это идёт от старшего поколения. Кто-то позавидовал счастью других, кто-то достатку, а кто и просто от злобы. Зверь спит в человеке, но когда человек поддаётся какому-нибудь искушению, он просыпается. В них проснулся зверь по имени Зависть. Не разбуди в себе зверя, парень. Ведь нет его страшнее, ибо он пожирает душу человека.

Он подумал о том, что тогда проснулся в нём зверь по имени Ненависть.

Ему пришлось научиться всё делать левой рукой, было несколько операций. Он считал, что ему было за что ненавидеть...

После полутора лет лечения ему пришлось снова учиться делать всё правой рукой — держать ложку, авторучку, бритву и ещё много чего. А ненависть и жажда мщенья всё жили в нём. Он не знал, как избавиться от этого чувства, пока не попало в руки Евангелие...

Тогда он, ещё не крещённый, почти ничего не знавший о христианстве, понял, как бороться с ненавистью. Надо просто простить тех, кого ненавидел, а простив, отпустить от себя всю злобу. Это получилось не сразу, но получилось, он перестал думать о мести. Да и вообще забыл о них всех...

Аркадий потёр виски руками: не время для воспоминаний, пора продолжать путь.

Дорога плавно текла под колёса, она всегда успокаивает его душу. Он иногда думал о том, что, дожив до тех лет, когда не сможет водить машину, ему будет не хватать этих дорог.

2.

Остановившись в придорожном кафе, он снова набрал её номер. Она ему не отвечала. Сначала всё было хорошо, в общении с ней он черпал вдохновение, она была его Музой. А потом

отношения стали заходить намного дальше. И вдруг она затаилась, замолчала. Он долго не мог понять, почему она молчит, не берёт трубку и на смс-ки не отвечает.

Молчание — это так же страшно для него, как останавливается сердце. Как во время одной из операций...

Память опять сыграла с ним злую шутку.

Не было ни света в конце тоннеля, ни хора ангелов, он не видел, как врачи что-то делают с его телом, — просто опустилась чёрная непроницаемая «шторка» с безжалостностью гильотины. Была только всепоглощающая чернота — липкая, холодная и безвкусная. Он хотел вдохнуть, но воздуха не было, вместо него внутрь вошла всё та же чернота. И тишина, жуткая, где нет даже намёка или воспоминания о звуках. Непонятное чувство того, что ты падаешь вверх, и отчётливое осознание того, что ты умер и тебя больше нет. Потом он услышал, как застучало его собственное сердце или кровь в жилах, затем голоса врачей. А уже после — свет, показавшийся ярко-красным через закрытые веки. И ещё некоторое время сознание путалось — на том он свете или всё ещё на этом...

И в аварию попал по дурости своей: ему, видите ли, сказали, когда друга не застал дома, что он испугался сестры друга. Он и поехал сказать, что не испугался девчонки, что не ворует чужих невест; ведь не надо было ехать, но проснулся в нём зверь по имени Гордыня...

После очередной смс-ки она ему сама позвонила. Откуда в такой милой девушке столько злости? Яд обильно лился из трубки. Он слушал, не перебивая, и вдруг отчётливо понял, что она просто испугалась разницы в возрасте, проснулся в ней зверь по имени Страх.

После этого разговора опять забились внутри мысли: зачем, зачем я гремлю своими ржавыми доспехами в этом Богом забытом времени? Моё племя рыцарей и поэтов вымерло ещё в средние века. Что я здесь делаю, где всё подчинено логике, информатике и психологии, а любовь, романтика и нежность — лишь рудименты? Люди перестали совершать подвиги ради любви, перепутали любовь с телесной близостью, забыв о том, что любовь — это откровение божественной сути. Расстояние в сто километров им кажется непреодолимой преградой.

А любовь — она как лампада: если доливать в неё нежность, ласку, взаимопонимание, она светит ровным огоньком счастья; но если в неё налить грязи, она зачадит и погаснет...

А ночью ему приснилась первая любовь. Ему снилось, что девушка взяла его за руку и повела вверх по лестнице. А наверху он увидел звёздное небо. Только Ангел-хранитель мог прийти ему в таком образе, это он помог подняться Аркадию на несколько ступеней ближе к Богу.

Утром он продолжил путь. Немного погодя остановился возле кургана. Задумался о том, что будет дальше. Ничего не придумалось. Но он понял, что вся скорбь уходит под курган, под землю, в глубину, и остаётся там навсегда.

Добравшись домой, он вернулся к творчеству.

Творчество не даст пойти ко дну и предаться унынию, ведь уныние — это грех.

О несбывшемся остаётся лишь лёгкая грустинка, этакая рябиновая горечь, сначала нестерпимая, потом приятная на вкус, — и идёшь дальше...

А потом понимаешь, что это не было истинной любовью, это был зверь по имени Страсть. И опять надо что-то переоценивать в жизни.

В сознании настойчиво стучала мысль: «Жизнь прожить — не поле перейти...»

Всё правильно: жизнь — это путь по тонкому льду над бездонной пропастью. Надо идти с определённой скоростью, твёрдо веря, что лёд выдержит. Нельзя остановиться или вернуться, нельзя замедлить шаг и ускорить нельзя. Даже тогда, когда лёд прогибается или предательски трещит, надо идти и не бояться зверя, который сидит внутри нас, ведь сколько бы ни было у него обликов и имён, рядом с каждым из нас есть Ангел-хранитель. Он поможет одолеть зверя и пройти этот путь...

Всегда в самые трудные моменты ему снилась та, которую он любил с самой юности, и всегда он понимал, что это Ангел-хранитель его поддерживает в жизни.

И вот Господь явил чудо: его Ангел-хранитель, та, которую он любит и любил все эти годы, сам того не осознавая, согласилась стать его женой...

Вернулась истинная любовь, засветился огонёчек счастья, и ушёл зверь...